

задачам. К примеру, островное государство Маврикий успешно использовало интернационализацию как механизм расширения доступа к образованию. Для этого власти Маврикия приняли законы, позволившие привлечь в страну иностранные вузы, заинтересованные в создании своих филиалов для обучения местных студентов. Одновременно власти разработали специальную систему контроля качества предлагаемых вузами образовательных программ и выдаваемых дипломов. Другие исследования, вынесенные на обсуждение коллоквиума британского Общества исследований высшего образования (SRHE), посвященного высшему образованию в небольших островных государствах, тоже показывают, как проблемы местоположения способствуют инновациям. Причем инновационные решения бросают вызов географическому делению и нормативным практикам, сложившимся в рамках парадигмы «центр — периферия», и эти решения, безусловно, заслуживают внимания в исследованиях интернационализации глобального уровня.

Опыт подобных регионов подстегивает нас к децентрализации интернационализации. Как показывают приведенные выше примеры, периферийные вузы вовсе не склонны к слепому подражанию. Благодаря уникальным обстоятельствам, в которых они находятся, они сумели выработать хорошо продуманные и инновационные стратегии интернационализации, которые, если их хорошо изучить, вполне могли бы стать нормой в мире высшего образования. А вузы, которые сейчас в центре международной образовательной арены, наоборот, столкнулись с тем, что привычная модель академической мобильности оказалась ненадежной, и потому они могут (и должны были бы) быть вытеснены на периферию исследований и практической работы в сфере интернационализации.

Интернационализация в условиях изоляции: исследовательские задачи

Нужно так переформулировать исследовательскую повестку дня, чтобы она помогла составить поистине глобальное по своему охвату описание стратегий интернационализации, используемых вузами отдаленных/изолированных регионов. Расширение привычного круга вузов, к чьему опыту обращаются чаще всего, и изучение опыта вузов, и так находящихся в изолированном положении, поможет улучшить наши представления об интернационализации без традиционной склонности к постоянному продвижению привычных элитистских стратегий. Подобные исследования помогли бы выявить практики, знание которых могло бы пойти на пользу широкому спектру акторов в области высшего образования, снизив их уязвимость к внешним шокам. Инклюзивная исследовательская повестка дня в сфере интернационализации, которая бы учитывала нестабильность мобильности и плюсы этого феномена, могла бы помочь сделать так, чтобы пандемия COVID-19 обернулась революцией в области интернационализации.

COVID-19 и частное высшее образование

Дэниел Леви

Дэниел Леви — заслуженный профессор департамента образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США) и руководитель PROPHE (Программы изучения частного высшего образования), материалы которой регулярно публикуются в «Международном высшем образовании».

E-mail: dlevy@albany.edu.

Большинство исследований о влиянии пандемии COVID-19 на высшее образование рассказывает о ситуации в целом, но есть статьи, посвященные каким-то конкретным аспектам проблемы, а также позволяющие сравнить различные феномены в рамках системы высшего образования (например, решения, принимаемые на субнациональном уровне). Различия между сектором частного и государственного высшего образования тоже, безусловно, заслуживают внимания. Если полвека назад доля частных вузов была незначительной, то сейчас они занимают заметное положение во всех регионах мира, и на них приходится треть всех студентов на земле.

Контекст

В этой статье мы поговорим о том, чем похожи и чем различаются подходы частных и государственных вузов к пандемии COVID-19 и ее последствиям, сравнив также между собой различные субсекторы частного высшего образования. Приведенные выводы основаны на [результатах предварительного исследования по 14 странам](#). Несмотря на существенную вариативность на международном уровне, нам удалось выявить некоторые глобальные закономерности, которые не противоречат имеющимся исследованиям о свойствах частного высшего образования в целом, о различиях внутри этого сектора и о его отличиях от государственного сектора.

Реакция

Глобальные закономерности можно, например, заметить, давая ответ на вопрос, *кто отвечает за выработку политики в отношении COVID-19*. Властям проще управлять государственным сектором (чем частным), и они чаще всего вырабатывают единую политику для всего госсектора. Частные акторы имеют больше влияния на политику в отношении COVID-19 в пределах частного сектора, и, соответственно, семейные фирмы, коммерческие, религиозные и другие организации, у которых есть собственные вузы, внедряют более децентрализованную и менее одно-

родную политику в отношении COVID-19, которая зачастую определяется на уровне отдельного вуза. Тщательный анализ роли правительства также позволяет выявить менее очевидные закономерности. Во-первых, поскольку кризис, вызванный COVID-19, оказал огромное влияние на экономику и здравоохранение, то государственная политика обоих секторов в отношении высшего образования тяготеет в сторону строгого контроля. Преподаватели и студенты государственных вузов в меньшей степени могли участвовать в выработке политики в отношении COVID-19, чем обычно принято. В частном секторе мощная рука властей зачастую управляет большинством вопросов, вплоть до того, могут ли вузы оставаться открытыми. Конечно, интервенционистские по своей сути режимы не стеснялись навязывать частным вузам собственный курс, например вынуждали их возвращать студентам часть денег за тот период, когда обучение шло в дистанционном формате. Китай — одна из стран, где студенты должны заранее оплачивать проживание и питание, и в 2020 году власти Китая заставили частные вузы возместить студентам эти расходы за весенний семестр.

Однако власти часто предъявляют к частным вузам не такие строгие требования, как к государственным, так что частные вузы могут самостоятельно принимать решения, исходя из собственных финансовых, санитарных и этических соображений, как это происходит, например, в Японии. Некоторые частные вузы в различных регионах оставались открытыми и продолжали очные занятия, в то время как государственные либо переходили на онлайн-обучение, либо вовсе приостанавливали занятия. Хотя студенты и их семьи обращаются за помощью и к властям, и к своим вузам, в разных секторах ситуация, конечно, различается: в госсекторе больше ожидается от властей, в частном — от вузов.

Помимо того что в частном секторе процесс принятия решений в отношении COVID-19 более децентрализованный, он еще и оказался более гибким. Реакция госсектора на пандемию должна учитывать законодательство о госслужбе, профсоюзные права и норму о том, что все, что делается в госсекторе, должно быть стандартизовано и применяться единообразно. Пожалуй, самый разительный контраст — между госсектором и «полуэлитными» частными вузами, то есть такими, которые на родине считаются элитными, но на международном уровне — нет, потому они характеризуются высокопрофессионализированной и одновременно иерархичной системой управления, которая позволяет действовать быстро, в том числе принимать непопулярные решения. Впрочем, даже очевидно неэлитные частные вузы — вузы массового образования — тоже нередко проявляли гибкость и быстроту реакции в условиях COVID-19. Опять же благодаря иерархической системе управления им было проще скорректировать стоимость обучения или контрольные цифры приема в соответствии

с институциональными потребностями. Перевести образование в онлайн-формат частным вузам тоже обычно удавалось существенно легче, чем государственным.

Частные вузы массового образования оказались в каком-то смысле даже гибче полуэлитных и престижных религиозных университетов: большинство их преподавателей работает на неполную ставку, так что в условиях неясности с набором студентов приостановить или совсем разорвать контракт с такими сотрудниками и тем самым минимизировать издержки довольно просто, тем более что лабораторий, зданий и другой инфраструктуры у таких частных вузов обычно мало. В ряде случаев низкий статус частного вуза означает, что там и до COVID-19 были онлайн-программы, так что у таких вузов в начале пандемии была фора. Даже в США, где контраст между частным и государственным секторами высшего образования не такой разительный, как в других странах, частные вузы все равно оказались гибче в том, что касается доходов и расходов.

Последствия

Почему же зловещие (а иногда и ехидные!) прорицания о полном коллапсе частного высшего образования (или хотя бы субсектора неэлитных вузов) так и не претворились в жизнь? Одна из причин — описанная выше гибкость частного сектора. Другая причина в том, что в ситуации экономического упадка и сокращения рабочих мест многие потенциальные участники рынка труда идут в студенты, в том числе поступают на онлайн-программы и в неэлитные частные вузы. А поскольку экономический спад ведет также к сокращению бюджетных расходов на высшее образование, то по частным вузам это меньше бьет, чем по государственным, ведь они в гораздо меньшей степени зависят от госсубсидий. Сохранение госрасходов на высшее образование на низком уровне может негативно сказаться на качестве образования в государственных вузах и в результате привести к оттоку студентов из госсектора в полуэлитные и религиозные частные университеты.

**Почему же зловещие
(а иногда и ехидные!)
прорицания о полном
коллапсе частного
высшего образования
(или хотя бы субсектора
неэлитных вузов) так
и не претворились в жизнь?**

Понадобилось немного времени, чтобы заметить, как сокращение возможностей для образования за границей привело к приросту числа абитуриентов полуэлитных частных вузов в пределах своей страны, что отлично отражает высокий социальный и академический статус американского и вообще западного образования. Раньше обеспеченные люди, например вьетнамцы, ехали за этим опытом за границу, а теперь выяснилось, что они вполне могут получить его и на родине. С другой стороны, ситуация в области международного образования показывает, что COVID-19 нанес огромный урон обоим секторам: и полуэлитные частные университеты, и ведущие государственные вузы пострадали от сокращения потока студентов из менее развитых стран. В связи с этим власти Японии, например, решили оказать финансовую поддержку и местным, и иностранным студентам вне зависимости от того, в частных они учатся вузах или в государственных. Еще стоит отметить, что эффект пандемии может различаться от страны к стране: французские частные вузы, например, особенно зависят от международных студентов.

Как бы там ни было, первичный анализ последствий пандемии COVID-19 подкрепляет очевидный вывод, который можно сделать по результатам изучения уже имеющихся исследований, касающихся частного сектора, а именно: в наиболее уязвимом положении находятся частные вузы массового образования, которые больше всех страдают от любого снижения или падения спроса на высшее образование. Такие вузы обычно имеют низкий статус и дают низкокачественное образование, при этом стоимость обучения там запросто может быть выше, чем в государственных вузах. Обобщающий вывод (верный для всех секторов) о том, что от пандемии больше всего страдают малообеспеченные студенты и особенно студенты в странах с низким уровнем доходов, наиболее очевиден именно на примере расположенных в таких странах вузов массового образования.

Поскольку разница в стоимости обучения — основной и практически универсальный водораздел между государственным и частным образованием, то неудивительно, что основные различия в условиях пандемии оказались сопряжены именно с финансовым фактором: пандемия ударила по частному высшему образованию вообще и по частным вузам массового образования в частности существенно сильнее, чем по государственным. Пример тому — Индия. Многие студенты столкнулись с серьезными финансовыми проблемами и не смогли больше платить за образование. К тому же частные вузы страдают, если финансовые трудности испытывают их владельцы, будь то семейная фирма, коммерческая организация или религиозная община. Это особенно заметно в странах, чьи власти оказывают государственными вузам большую финансовую поддержку, чем частным (хотя иногда частные вузы тоже получают экстренную финансовую помощь от государства в рамках программ по спасению бизнеса). Даже в странах, где экстренная финан-

совая помощь доступна обоим секторам, программы по поддержке частного сектора обычно короче.

Пока не ясно, какие еще меры будут приниматься в дальнейшем или каков будет итоговый результат пандемии. Тем не менее уже можно выявить заслуживающие дальнейшего изучения четкие закономерности, характерные и для государственного, и для частного сектора высшего образования, а также закономерности, наблюдаемые только в частном секторе.

COVID-19 в Турции: меньше абитуриентов, больше первокурсников

Огуз Эсен

Огуз Эсен — профессор экономики и бывший ректор Измирского экономического университета (Турция).

E-mail: oguz.esen@ieu.edu.tr.

За время пандемии в турецких университетах стало на 242 647 студентов больше, чем было годом ранее. На фоне пандемии спрос на высшее образование вырос во многих странах, и важно понять, чем Турция отличается от остальных. Этой статьей я хочу внести свой вклад в дискуссию о влиянии пандемии на высшее образование, сделав упор на турецкую ситуацию.

Во время пандемии часто шли оживленные споры о том, в какой степени она повлияет на спрос на высшее образование. Многие считали, что эффект окажется отрицательным из-за возможных рисков, связанных со здоровьем, и из-за экономического кризиса. В условиях экономического кризиса спрос на высшее образование обычно испытывает влияние двух противоположных сил. С одной стороны, из-за сокращения доходов спрос снижается, а с другой стороны, он растет из-за снижения альтернативных издержек, связанных с получением образования.

На этот раз, однако, ситуация выглядит иначе. Экономический кризис оказался очень серьезным, а меры по борьбе с эпидемией только усугубили неравенство. Многие предполагали, что усилившееся на фоне эпидемии имущественное расслоение приведет к снижению спроса на высшее образование среди групп с низкими доходами и, наоборот, к повышению среди обеспеченных слоев населения. Ожидалось, что в Турции с учетом и без того существенного материального неравенства среди студентов пандемия его только усугубит, спровоцировав снижение спроса на высшее образование.